

Русский человек на Кавказе в литературе XIX и XX вв.: материалы к уроку по рассказу В. Маканина «Кавказский пленный»

С. С. Имхелова

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Аннотация.

В статье утверждается необходимость учитывать на уроках литературы связи между произведениями двух прошедших веков. Тем более что писатели в конце XX в. дают такую возможность, ставя и решая традиционную для русской литературы проблему истинных ценностей, истинной красоты. В анализе рассказа В. Маканина о чеченской войне «Кавказский пленный» (1994) учитель сможет установить эту связь с традицией, чтобы убедиться вместе с учащимися в неизменной верности русской литературы гуманизму и нравственным ценностям.

Ключевые слова:

русская классика, тема Кавказа, рассказ «Кавказский пленный», образ «кавказского пленника», война и красота человеческой души.

Для цитирования:

Имхелова С. С. Русский человек на Кавказе в литературе XIX и XX вв.: материалы к уроку по рассказу В. Маканина «Кавказский пленный». Педагогический ИМИДЖ. 2018. № 3 (40). С. 42–47.
DOI: 10.32343/2409-5052-2018-11-3-42-47

Дата поступления
статьи в редакцию:
1 июня 2018 г.

О воспитательном и интеллектуальном потенциале русской литературы напоминают те произведения рубежа XX–XXI вв., в которых подчёркивается связь между классической и современной литературой. Даже в названиях некоторых произведений эта связь недвусмысленна: «Пиковая дама» Л. Улицкой и «Метель» В. Сорокина, «Панночка» и «Брат Чичиков» Н. Садур, «История города Глупова в новые и новейшие времена» и «Наш человек в футляре» В. Пьецуха. К подобным текстам относится и рассказ Владимира Маканина «Кавказский пленный» (1994), в названии которого можно увидеть переключку с произведениями о «кавказских пленниках» Пушкина, Лермонтова, Толстого. Это яркое произведение, посвящённое военным событиям на Кавказе в 1990-е гг., может свидетельствовать о неизменно высоком авторитете русской литературы в жизни общества. Как говорил современный писатель Д. Гуцко, автор романа на тему Кавказа «Без пути-следа» («Русскоговорящий»), получившего Букеровскую премию в 2005 г., «...русская цивилизация – это цивилизация слова. Не потому, что у нас, кроме великой литературы, ничего нет, а потому, что эта литература в свои лучшие времена была кровью общества» [1].

Интересно, что В. Маканин в 2012 г. снова вернулся к событиям чеченской войны, изображённым в рассказе 1990-х гг., и написал роман «Асан», главный герой которого носит фамилию Жилин, как и герой по-

вести Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» (1872). Роман получил престижную премию «Большая книга» и вызвал широкое обсуждение в печати. На замечание критиков о причинах такого именования героя Маканин отметил полемичность своего романа по отношению к толстовским произведениям: «...если Толстой в “своей” войне любил мысль народную, то я в “войне нашего времени”, в войне “Асана”, хотел полюбить мысль индивидуальную» [2]. Именно эта мысль заложена им и в рассказе «Кавказский пленный», предшествовавшем роману и отмеченном в 1999 г. (наряду с романом «Андерграунд, или Герой нашего времени») Государственной премией РФ.

В обращении учителей-методистов к анализу этого произведения можно заметить облегчённость, которая мешает адекватному прочтению замысла как выхода его автора к «мысли индивидуальной». А ведь молодые читатели должны с помощью учителя понять, что только значительная личность, яркая индивидуальность героя обеспечила классическим произведениям значимость общенационального характера. И что по-прежнему произведения русской литературы, которые находятся в центре общественного внимания, а некоторые из них отмечены литературными премиями, ставят в центр героя, чей образ становится настоящим художественным открытием, воплощением неповторимой индивидуальности.

Урок на тему «Русский человек на Кавказе в рассказе В. Маканина» начинается с вопроса о названии произведения: **почему автор назвал рассказ «Кавказский пленный»**, а не «Кавказский пленник». Из словаря С. И. Ожегова приводится лексическое значение слова «пленный» – взятый в плен, находящийся в плену, а «пленник» – это тот, кто пленен кем- или чем-либо. Сравнивая сюжет современного рассказа с произведениями классики, учащиеся придут к мнению, что в рассказе Маканина есть пленник – чеченский юноша, и есть пленный – главный герой Алексей Рубахин, пленённый красотой кавказских гор («который год бередит ему сердце их величавость, немая торжественность»). Кавказские пленники Пушкина и Толстого, с интересом изучая жизнь и быт горцев в плену, мечтают о свободе, и им помогают бежать из плена девушки-черкешенки, проявившие любовь, дружбу, сострадание. Ситуация у современного писателя иная: Рубахин каждый год по окончании срока службы хочет уехать домой и каждый раз остаётся, пленённый экзотичностью, красотой Кавказа, а когда ему и его напарнику грозит смертельная опасность, вынужден убить пленного – красивого юношу-чеченца.

Как в решении темы Кавказа Маканиным осуществляется **опора на художественный опыт предшественников**? Все события, случившиеся с главным героем, происходят в ситуации военного противостояния русских военнослужащих и боевиков-чеченцев. Начало рассказа могло бы быть таким же, как в повести Толстого «Кавказский пленник»: «На Кавказе тогда война была» [3, с. 185]. И такими же непростыми являются отношения русских людей и кавказских горцев. Но если Пушкин был на Кавказе, там и начал свою поэму, вдохновлённый красотой Кавказа и рассказами горцев; если Толстой служил на Кавказе, материалом для его повести послужили события из собственной жизни и истории, услышанные им на службе, то Маканин пишет о событиях 1990-х в Чечне, свидетелем которых не был, но которые запали в его душу и душу его современников.

Да, Толстой опровергал романтический подход к теме Кавказа в поэмах Пушкина и Лермонтова, но и рассказ Маканина – **полемика с традициями классической литературы**. И хотя с Пушкиным и Толстым Маканина объединяет горный пейзаж как неизменная составляющая кавказской темы, а также тема любви русского пленного и черкешенки, у Маканина герой – русский солдат, который настолько очарован красотой кавказских гор, что не может оставить службу и вернуться домой, на донскую землю. По мере развития основного сюжетного события постепенно начинает испытывать влечение не к девушке, а к красивому пленному юноше (гомосексуальный оттенок придаёт рассказу одну из специфических примет XX в.). Но главное отличие от предшественников – характер войны на Кавказе: война пугает героя тем, что она выступает как нечто само собой разумеющееся, как норма существования. Такому изображению чеченской войны Маканин дал следующий комментарий: «Горы имеют своё географическое значение, там очень много народов, которые всегда воевали, находились в непрерывном состоянии войны друг с другом. И приход России ничего не менял. Россия только подключалась к той борьбе, которая шла непрерывно, из века в век: кровная месть и прочее» [4].

Война в рассказе Маканина – вялая и статичная, в сюжете эта статика объясняется именно кавказскими условиями: российская колонна заперта в ущелье боевиками и необходим пленный, чтобы выторговать у них право прохода. Ведут между собой неторопливую беседу два «больших человека»: подполковник-интендант Гуров и его богатый и влиятельный гость Алибеков, обсуждающие за чаем сделку по обмену российского оружия на кавказское продовольствие. Военные операции повторяют тактику ещё ермоловских времён. Но при этом война остаётся войной, где смерть неизбежна, потому что если не ты убиваешь, то убивают тебя. Можно привести фразу из романа «Асан», которая отсылает к толстовской повести даже стилистически: «Здесь все никогда до места не доезжают» [5, с. 8].

Отличие маканинского героя от «кавказских пленников» существенно. Пушкин в своей поэме изображает романтического героя-современника, жестоко разочарованного и отправившегося на Кавказ – в край сильных и свободолюбивых людей, чтобы обрести свободу духа, но окажется в ситуации несвободы и плена. В «Кавказском пленнике» Толстого Жилин попадает в плен к инверцам на вполне законных основаниях: он противник, воин, по обычаям горцев его можно взять в плен и получить за него выкуп. Характер Жилина соответствует его фамилии: у него золотые руки, в плену он помогал горцам, чинил что-то, к нему даже лечиться приходили. Фамилия героя у Маканина также соответствует его характеру: рубаха-парень. Бывалый солдат, он понимает сущность реальной (хотя непонятной) войны и вместе с тем его мучает желание услышать, что же красота гор хотела ему сказать, «зачем окликала». Мучается от того, что рядом с красотой гор существует безобразие насильственной смерти – погибает солдат-однополчанин Боярков, гибнет по его вине юноша-чеченец.

Сюжет рассказа о войне связан с темой красоты, и в самом начале приводится цитата из Достоевского – «красота спасёт мир», которая выводит к **теме истинных и ложных ценностей, истинной красоты**. Недаром широкое употребление получила фраза: «Война всегда проявляет истинную ценность человека». Если у Пушкина и Толстого ценность – это красота души, поступков, человеческих чувств, то у Маканина вначале – пугающая героя красота местного пейзажа и красота взятого в плен юноши-чеченца. Его внешность – «лет шестнадцати-семнадцати. Правильные черты, нежная кожа... длинные, до плеч, темные волосы почти сходятся в овал» [6, с. 467] – вызывает у Рубахина смутные и непонятные переживания.

Закономерен вопрос об уместности в «Кавказском пленном» **фразы Достоевского «Красота спасёт мир»**. В рассказе она «не успела спасти», и доброта Рубахина по отношению к юноше – он страдает его ушибленной ногой – ведь он виноват в этом, когда брал юношу в плен; заботясь о нём, отдал ему тёплые носки, переносит на руках через реку, – оказалась бесцельной, потому что в экстремальной ситуации, грозящей опасностью жизни его и напарника, Вовки-стрелка, герой Маканина вынужден был убить юношу. А затем в его памяти («память не отпускает») прокручивается то, как из-за грозящей опасности он был вынужден в смертельном захвате заставить пленного юношу замолчать, и то, как похоронили с напарником юношу в «красивой местности», выкопав плоскими камнями могилу. То есть герой находится в плену мыслей и чувств, которые позволяют судить о нём как о человечески сильном характере, под стать толстовскому Жилину.

Вопрос о **трагической вине** героя позволяет по-новому взглянуть на проблему преступления и наказания, ведь кавказская тема не может пройти мимо неё. Учитель может напомнить содержание другой повести Толстого – «Хаджи-Мурат». Напомнить можно и роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», который, затрагивая тему Кавказа, часто ставит в центр Печорина, ощущающего вину в смерти окружающих людей, например, Бэлы – её смерть действительно на его совести. Причиной смертельного ранения Бэлы стал его азарт во время погони за похитившим девушку Казбичем, его неразумное, с точки зрения опытного вояки Максима Максимыча, поведение, вполне понятное с точки зрения психологической. Трагическая вина «кавказского пленного» Маканина – тоже в том, что это «безвинная вина», что Рубахин по собственной воле «преступает» установившиеся нормы жизни и, преодолевая угрозу смерти, не может поступить иначе. «Для меня чрезвычайно важно, когда индивидуальность раскрывается через трагические обстоятельства, – говорил в интервью Маканин. – Трагедия – это когда человек гибнет изнутри, через своё личное, через то, что любит» [2]. По Маканину, чувства, рождённые красотой, неж-

ность по отношению к пленному, чувственный, а потом и духовный контакт с ним – нарушают рутину войны, но в то же время в обстоятельствах войны, если затрагивают первобытный инстинкт выживания, могут быть растоптаны.

В изображении войны Маканин часто прибегает к **приёму контраста**: абсурду войны противостоит сознание и поведение Рубахина с его обострённым пониманием нормы человеческих отношений: так, по его команде они с напарником предадут земле погибшего Бояркова, а потом и пленного юношу. Невольное влечение Рубахина к пленному противопоставляется мимолётному роману Вовки-стрелки с местной «молодухой»: роман напарника ни в чём не выходит за пределы солдатской обыденности. Чувства же, испытываемые Рубахиным к юноше-горцу, не обыденны, потому что вызывает их не физиологическая потребность, а духовное озарение красотой.

Большой вес придаёт повествованию **обилие графических выделений** – скобок и тире, прописных букв в словах и многоточий. Они подчёркивают субъективность мнения героя, которая добавляется к мнению повествователя, к тому, что не досказано им, и тогда заключённая в скобках мысль – лексически и синтаксически – воспроизводит взгляд Рубахина, его здравую оценку происходящего. Например, описание тела погибшего однополчанина Бояркова дается трижды: «...привалено двумя камнями. Обрёл смерть. (Стреляли в упор – он, похоже, и глаза свои пьяные не успел протереть. Впалые щеки. В части решили, что он в бегах)». Затем новое описание уже не нуждается в добавлении, маркированном скобками, потому что картина навсегда отпечаталась в памяти Рубахина: «Впалые щеки. Лицо без единой царапины. Стреляли в упор; но пули не успели разойтись и ударили в грудь кучно» [6, с. 451, 462]. В такой повествовательной манере и события, и характер героя проявляются без участия повествователя, поскольку в рубленых фразах чувствуется сознание и манера речи Рубахина.

И в сценах, где присутствие героя не предполагается, также довлеет знание Рубахина, например, он не слышит, но доподлинно знает, о чём говорят Гуров и Алибеков: русскому полковнику надо выгодно продать оружие командиру боевиков, чтобы накормить подчинённых солдат, хотя понимает, что из этого оружия боевики будут стрелять по его же солдатам. И даже как бы слышит, предполагает следующий поворот в разговоре Алибекова с его командиром: «“Шутишь, Петрович... Какой я пленный... Это ты здесь пленный! – Смеясь, он показывает на Рубахина, с рвением катящего тачку: – Он пленный. Ты пленный. И вообще каждый твой солдат – пленный!» [6, с. 456]. А в финале, когда инстинкт самосохранения диктует Рубахину зажать юноше рот и нос, чтоб не подал знак отряду боевиков, идущему мимо валуна, за которым они спрятались, следует фраза, принадлежащая всё-таки не повествователю, а герою: «Сдавил; красота не успела спасти...» [6, с. 475].

В **финале рассказа** ситуация так и не разрешилась, по-прежнему колонна русских солдат заблокирована боевиками в ущелье, и вернувшимся Рубахину с Вовкой-стрелком не удалось доставить пленного для обмена. Сквозь сон в подсознании отдыхающего Рубахина возникает красота юноши, духовная близость с ним напоминает о себе и физиологической реакцией. Повтор слов «памятью не отпускает» относится к воспоминаниям героя и о красивом склоне, на котором принял смерть Боярков, и о нечаянной гибели юноши, которого не спасла красота. За всем этим раскрывается **подлинная ценность человеческой души – память, совесть, вина** героя, которые «не отпускают» его так же, как не отпускает красота кавказских гор. Рубахин хочет сказать: «Уж который год!», но, оговариваясь, произносит: «Уж который век!» [6, с. 477]. Находясь в плену своей памяти (и совести), русский человек на Кавказе выявляет такую же истинную широту и красоту души, как «кавказские пленники» Пушкина и Толстого.

Проиллюстрировать обсуждение ключевых эпизодов рассказа помогут фрагменты кинофильма «Пленный», который снят режиссёром А. Учителем в 2008 г. по рассказу Маканина. **Киноинтерпретация рассказа** может подтвердить, что художественная правда и вымысел оказываются ближе к истине, чем документально-подробное следование правде исторической. И рассказ, и кинофильм (а затем и роман «Асан») вызвали обвинения критиков и читателей в искажении чеченских событий [7], но при этом остались незамеченными главные достоинства рассказа – конфликт красоты человеческой души и безобразия войны, замешанной на деньгах и корысти, мотив красоты, обезображенной войной и смертью. Именно эти достоинства подчёр-

кнуты в диалоге юноши и Рубахина из кинофильма: один говорит, что его имя Джамал означает «красивый», другой – о том, что на войне так мало красивого...

Автор современного рассказа к тому же обладает **пророческим даром** – умением, внедряясь в сознание читателя, передавая свои философские, историософские взгляды на события современности, предугадать направление развития российско-кавказского конфликта: «У меня есть такая странная склонность: не то, чтобы предсказывать, но чувствовать пером, в какую сторону направляются события» [2, с. 261]. Именно художественная интуиция Маканина проявилась в том, что рассказ был написан в 1994 г., до ввода федеральных войск в Чечню, и напечатан в журнале «Новый мир» в 1995 г., когда бои были в самом разгаре.

Л. Толстой не был свидетелем событий 1812 г., но это не помешало ему изобразить исторически и философски глубоко историю Отечественной войны. В. Маканин не принимал непосредственного участия в чеченском конфликте, но ему удалось выразить в своём рассказе историософскую мысль о том, что мы можем оказаться в вечном плену у Кавказа – т. е. в плену у реальности геополитических войн. Как художественное обобщение, звучит идея о том, что мы должны оставаться пленниками той красоты, которая обязательно должна спасти мир от вражды, злобы, ненависти, потому что вслед за классиками Маканин утверждает, что спасительны именно добро, сострадание как проявление красоты человеческой души.

Школьный анализ рассказа «Кавказский пленный» В. Маканина, как видим, позволяет не только донести до читателя авторский смысл, но и помогает учителю-словеснику достичь нравственно-воспитательных целей, в очередной раз подчеркнуть гуманистический пафос русской литературы. Итогом анализа станет коллективно сформулированная мысль: обратившись к одной из важных тем русской классики, современный автор внушает нам, читателям, её уроки и заветы. Объясняет – в который век! – неизменную потребность человека в добре и красоте, а также непреходящее стремление русской литературы к новому, творческому переосмыслению вечных тем и образов.

Список литературы

1. Кавказ в произведениях русских писателей и поэтов XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://rodb-v.ru/literary-ethnography/russian_writers/caucasus/ (дата обращения: 25.05.2018).
2. Тимофеева О. В предчувствии я сильнее других : интервью с В. Маканиным [Электронный ресурс] // Новая газета. 2008. № 88. 27 нояб. URL: www.litkarta.ru/rus/dossier/makanin-novgaz-interview/dossier_637/view_print/ (дата обращения: 12.07.2018).
3. Толстой Л. Н. Кавказский пленник // Собр. соч.: в 20 т. Т. 10. М.: ТЕПРА, 1997. С. 184–203.
4. Максимов А. Интервью с В. Маканиным от 18 апреля 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zhz.russ.ru> (дата обращения: 12.01.2015).
5. Маканин В. Асан. Роман. М.: Эксмо, 2008. 480 с.
6. Маканин В. Кавказский пленный. М.: Панорама, 1997. 480 с. (Серия «Русская литература. XX век»).
7. Кравченкова Е. А. Художественный мир В. С. Маканина: концепции и интерпретации : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2006. 273 с.

Russian Man in Caucasus in Literature of 19th and 20th Centuries: Materials for Lesson on Story by V. Makanin “The Caucasian Prisoner”

S. S. Imikhelova

Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. *The article affirms the need to take into account on Literature lessons the connections between the literary works of the two past centuries. The writers of the late XXth century give such an opportunity, putting and solving the problem of true values and true beauty which is traditional for Russian literature. While analyzing the story by V. Makanin “The Caucasian Prisoner” (1994), the teacher will be able to establish this connection with the tradition in order to tell students about the unchanged faithfulness of Russian literature to humanism and moral values.*

Keywords: *Russian classics; the theme of the Caucasus; the story “The Caucasian Prisoner”; the Caucasian prisoner image; war and beauty of the human soul.*

Имixelова

Светлана Степановна

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и
зарубежной литературы*

*Бурятский государственный
университет*

*670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжу-
рова, 6*

*тел.: +7(3012)211020
e-mail: 223015@ mail.ru*

Imikhelova

Svetlana Stepanovna

*Doctor of Sciences (Philology),
Professor Department of Russian
and Foreign Literature*

Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000

*tel.: +7(3012)211020
e-mail: 223015@ mail.ru*